

Поэзия и поэтический язык в философии немецких романтиков

Филиппович Мария Сергеевна

Выпускник (магистр)

Курский государственный университет, Факультет философии, социологии и культурологии, Курск, Россия

E-mail: tweedledum@list.ru

Поэзия и поэтический язык в философии немецких романтиков

Филиппович Мария Сергеевна

Сотрудник

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

Центр информационной политики

e-mail: mailto:tweedledum@list.ru

В немецком романтизме йенского периода поэтическое слово является «зеркалом окружающего мира» (Фр. Шлегель), божественным посланием (Фр. Гёльдерлин), способом познания (Новалис). Рассудочное мышление сводит сущность предметов к упрощению, ограничивает их идею. Но поэтическое слово посредством сказки, стихотворения не позволяет этого. Йенские романтики основывали свои идеи именно на поэтическом слове, поскольку оно может выразить общность конечного и бесконечного.

Фридрих Шлегель соединяет понятие бесконечности с чувством ограниченности посредством понятия становления. В философии немецкого романтизма конечное всегда оказывается бесконечным из-за разнообразия и постоянной изменчивости в процессе становления. При созерцании какого-либо предмета, который мы находим бесконечным, он превращается в конечное. Поскольку наше представление о предмете строит определенный образ, наполненный конкретными характеристиками и свойствами. И тем не менее предмет может изменяться в нашем представлении и представлении других. Мир в романтической доктрине является бесконечно становящимся, следовательно, представляет собой совокупность бесконечной полноты и многообразия. Фридрих Шлегель пишет: «Я» никогда не было бы «Я», мир не был бы миром, а Бог - Богом, если бы они не составляли единства; однако совершенство мира заключается не в этом, но в полноте, в богатстве» [4, с. 151].

Понимание мира через созерцание позволяет присоединить к себе часть божественного.

Находясь под влиянием философии Фридриха Шлейермахера, постижение абсолюта возможно через созерцание, которое Фридрих Шлегель понимает в качестве «восприятия, вбирания в себя» [4, с. 150]. Он полагает, что основой любого созерцания всегда является противоречие. С одной стороны, созерцание умерщвляет всякий предмет, «ибо оно имеет место, только если предмет мыслится устойчивым; он может созерцаться, только будучи форсированным... Все свободное, живое, подвижное всегда теряется в созерцании; оно показывает нам только внешнюю сторону предметов» [4, с. 205]. Получается, что постижение «Я» затруднено тем, что оно исчезает, когда мы желаем его зафиксировать. Но оно же и является частью того, что может быть познано.

Поэтический язык модифицирует невидимое (внутренний опыт) в видимое (слово), Поэзия является выражением наших чувств - *ut pictura poesis*. И слово оказывается отражением, образом образа, следовательно, мы можем вслед за Жаком Дерридой, прийти к

утверждению о принципиальной метафоричности языка, в котором само начало стерто и недостижимо [2].

И если Фридрих Шлегель призывал к возрождению мифа из «сокровеннейших глубин» (Шлегель) индивидуального сознания, то Фридрих Гёльдерлин указывал на поэзию. Она - откровение истины и тайна, которая «познает дыхание божества с трепетом». По словам Стефана Цвейга, поэзия может заполнить пропасть между высшей и низшей сферой духа, между божеством и человеком [3] и посредником между ними является поэт, гений, наделенный божественной искрой. Он наделен особым свойством интерпретации божественного слова.

В поэте присутствует дух, охваченный чистотой, ритмом и гармонией. И если для обычного человека язык представляет собой инструмент для передачи информации, то для поэта он мыслится гораздо шире - в языке заключено божественное свойство.

Для Новалиса важно поставить личность художника, поэта в центр повествования, поскольку он является носителем человеческого сознания, через которое возможно раскрыть тайны мира. Новалис пытался воплотить эту идею через аллегорические произведения, например, «Сказки Клингзора». Поэт становится избранной личностью, которая наделена особым даром распознавать и раскрывать бытийную мудрость.

Суть романтической поэтики Новалис усматривает в «искусстве определенным образом достигать привлекательность таинственности, делать предмет таинственным и в то же время знакомым и заманчивым». Таким образом Новалис противопоставляет поэзию науке: «Поэт постигает природу лучше, нежели разум ученого» [1].

С помощью поэтического языка немецкие романтики старались понять мир, стремились охватить его сущность с разных сторон, чтобы показать всю полноту. Благодаря поэзии нашему разуму предстает духовно возрожденный мир, поэзия является живой системой, не ограниченной какой-либо схемой.

Источники и литература

- 1) Берковский Н. Я. Литературная теория немецкого романтизма. / под ред. со вступ. статьей и коммент. Н. Я. Берковского. Л.: Издательство Писателей в Ленинграде, 1934.
- 2) Козлова М. Метафизика метафоры и загадка поэтического слова (концепция поэтического языка в философии Мартина Хайдеггера) // HORIZON. Феноменологические исследования. 2014. №1. С. 9-23.
- 3) Цвейг С. Борьба с демоном: Гёльдерлин. Клейст. Ницше: пер. с нем. М.: Республика, 1992.
- 4) Шлегель Фр. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т.1. /Вступ. статья, пер. с нем. Ю. Н. Попова; Примеч. Ал. В. Михайлова и Ю. Н. Попова. М.: Искусство, 1983.